

НАША СТРАНА

Год издания 71-й. Буэнос Айрес, 20 апреля 2019

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 20 de abril de 2019

No 3100

ТОЛЬКО ДВЕ СИЛЫ: РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Граф Алексей Петрович Коновницын — достойный представитель сегодня оставшихся, увы, немногих истинных, не по одной фамилии и не по своим славными предками, а по глубокому сознанию и поведению, представителей бескомпромиссной Белой Эмиграции. Уже годами украшает он страницы «Нашей Страны» своими всегда задерживающими внимание читателей статьями. Как правило, Алексей Петрович не пишет на злободневные темы, которыми полны прочие органы печати. Его внимание не занято пошлостями постоянно меняющейся мелочной суеты нашей повседневности.

Он смотрит во глубину вещей, смотрит в корень. Не мелочами интересуется Алексей Петрович, а самыми существенными, всеми сегодня забытыми вопросами, но не могущими не терзать постоянно совесть и размышления истинного патриота. А одним из таких во-просов есть вопрос о России и революции, о причинах величайшего катаклизма человеческой истории.

Так в выпуске «Нашей Страны» № 3097, в статье «Зловещая птица революции», воскрешает он в нашей памяти, а может быть просто открывает для читателей, дивную личность незаслуженно забытого игумена Антония (Бочкова, 1803-1872), и в частности приводит его пророческие размышления в связи с французской революцией 1848-го года, записанные в просторном письме адресованном Оптинским старцам, которое было найдено в архиве Оптиной Пустыни С. А. Нилусом и им же опубликовано.

Незаурядной личностью был игумен, полной противоположностью того, что врагами Православия принято называть «тёмным монашеством». Свободно владел французским языком, оставил даже много переводов с этого языка. В молодости, до монашества, вращался в кругу лучших представителей «золотого века». Был близок с Пушкиным, дружил с Гоголем, о котором писал «мой лучший друг, прекрасный по сердцу и чувствам Николай Васильевич Гоголь, один из лучших литераторов».

Сам оставил множество стихов, прозы и особенно писем.

Его первым наставником был святой Оптинский старец Лев, основатель Оптинского старчества. Затем его наставником и духовным отцом были долгие годы святитель Игнатий Брянчанинов, с которым он вёл продолжительные духовные беседы и который его высоко ценил. Посещал Италию, Австрию, Грецию и конечно Афон, где останавливался в Свято-Пантелеймоновом монастыре, где тогда проживал философ, писатель, публицист, литературный критик и социолог Константин Леонтьев, к концу жизни принявший монашеский постриг.

Игумен Антоний сочинил очерк о своём там пребывании: «Пасха на Афонской горе».

Трижды отправляется в паломничество на Святую Землю и по своему обычаю оставляет свои воспоминания о виденном и пережитом в труде «Русские поклонники в Иерусалиме». Присутствует на пасхальном чуде схождения Святого Благодатного Огня, делает подробное описание этого чуда, как оно воспринимается местным православным народом. Это трогательное описание переносит нас мысленно к замечательному произведению самого начала XII-го века, «Хождение игумена Даниила», с незабываемым, трогательным до глубины души духовным, символическим деянием, поставленным этим первым русским паломником: «и азъ поставил свое кандило (лампаду) на Гробе святемь отъ всея Русьскыя земли!».

Отрывок из размышлений игумена Антония, предложенный в статье графом Коновницыным, относится ко времени его первого паломничества на Святую Землю в 1847-1848 годах. По пути он узнаёт о вспыхнувшей очередной революции во Франции, которая его сильно тревожит. Ясно видит и разоблачает причину революции: падение веры и нравов, словом — общее европейское безбожие, против которого один лишь оплот возвышается и способен ему противостоять — православная Россия.

Многие мыслители изучали эту тему. И Ф. М. Достоевский, и Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев, но никто, как Ф. И.

Тютчев так глубоко не поставил этот точный диагноз: революция является самой сутью Запада и западной цивилизации: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия». Исходя из этого глубокого убеждения, Тютчев утверждает, что вопрос, противопоставляющий России Западу есть вопрос России и революции, России и современной цивилизации.

Не бесполезно, думаем, напомнить это пророчество 170-тилетней давности великого мыслителя и патриота, сверить его с сегодняшним положением и убедиться в его достоверности: «В Европе существуют только две реальные силы: Россия и Революция. Теперь они встретились лицом к лицу, а завтра, быть может, вступят в схватку. Ни договоренность, ни согласие между ними невозможны. Жизнь одной означает смерть другой. От результата этого столкновения, величайшего из всех когда-либо виденных Европой, будет зависеть на столетия вперёд политическое и религиозное будущее человечества».

И одинаковый диагноз поставлен тут отцом Антонием (Бочковым): «Какова будет эта зловещая птица высиденная из гнезда парижского? /.../ Если восторжествует Европа и сломит последний оплот — Россию, то чего нам ожидать»...

Да, мы являемся несчастными свидетелями и жертвами сего...

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

СОЗДАТЕЛЬ ПОДВОДНОГО ФЛОТА

19 марта 1906 года вышел указ, которым были созданы подводные силы Балтийского моря с базированием первого соединения подводных лодок в военно-морской базе Либавы (Латвия). В указе были перечислены 20 названий построенных к тому времени субмарин. В этот день подводные лодки в русском флоте были выделены в самостоятельный класс боевых кораблей. Их называли «потаенными судами».

То есть были выведены из состава миноносных сил двадцать подводных лодок-миноносцев, которые успешно выполняли погружения с 1902 по 1905 годы.

В 1903-1904 году на Балтийском заводе была построена первая русская боевая подводная лодка «Дельфин» по проекту ученого И. Г. Бубнова с бензиновым мотором и электродвигателем. После начала Русско-Японской войны царское правительство искало пути усиления военно-морской группировки на Дальнем Востоке.

К сожалению имя последнего Императора в этой области незаслуженно забыто. А ведь ему удалось создать этот род войск с нуля, не имея никакой технической базы.

Царь Николай Второй - создатель подводного флота России. С 1903 по 1917 год абсолютно с нуля он организовал постройку 67 и покупку 11 подводных лодок, (78 единиц).

Вопреки существующему мифу, что императорский подводный флот в основном состоял из западных лодок типа Holland (АГ-11-26), на самом деле этих кораблей было в нашем флоте только 11 штук — 14% флота. Причем, заказаны они были в разгар войны — в 1916 году, когда потребовалось резкое наращивание мощи.

По иностранным чертежам, хотя и с существенными российскими доработками, на территории Империи были построены серия Нарвал (3 штуки), Сом (7 штук) и Осетр (6 штук). Суммарно 16 штук — 20,5% флота.

Таким образом 65,5% подводного флота были российскими разработками. Полностью закупленных было только 14%, а 20,5% сделаны на основе чужих технологий.

За период с 1903 по 1917 год было организовано не только производство первых опытных образцов (в общей сложности 11 штук), но и налажено серийное производство полностью отечественных подводных лодок.

За пару лет до Первой Мировой войны были построены три крупные верфи в тогда еще русском Ревеле (ныне — эстонский Таллин). Там и теперь остаются развалины имперского завода подводных лодок...

Татьяна Чёрная

НЕБЛАГОДАРНАЯ АВСТРИЯ

Революция 1848-1849 гг. потрясшая Европу в её основах, с особенной яростью разразилась в Габсбургских владениях. Внешние подрывные силы ловко использовали стремление Венгрии к независимости и подняли на неё Габсбургов. В мадьярском народе продолжали жить воспоминания об утерянной государственности. Ни турецкое иго, ни присоединение к Австрии не могли вытеснить из его сознания это глубинное чувство.

Славянские области, входившие в состав Австрийской Империи, тоже волновались, а в самой Вене происходили мятежи, заставившие императорскую семью временно покинуть столицу. Единственно хорваты, под предводительством *бана* (наместника короля) Елачича, оставались лояльными австрийской короне. Помимо этого, итальянские провинции, принадлежавшие Австрии, при помощи Сардинского короля старались сбросить ненавистное им австрийское иго.

Положение Австрии к весне 1849 года стало не только критическим, но отчаянным. От Карпат и до Дуная национальное венгерское правительство было господином положения. Апреля 14-го 1849 года венгерский лидер Кошут объявил об окончательном отделении от Австрии. Провозглашена была республика во главе с масоном Кошутом. Австрийские генералы почти повсюду терпели поражения против венгров.

Юный император Франц Иосиф, вступивший на престол 2 декабря 1848 года, после вынужденного отречения своего дяди, бесцветного Фердинанда I, обратился к Царю Николаю с мольбой о помощи. В письме от 28 декабря 1848 года он напомнил русскому царю о Мюнхенском свидании 1833 года. Тогда Царь Николай I гостил у престарелого австрийского императора Франциска I. Во время этой встречи Царь обещал Франциску оказывать помощь его слабохарактерному и болезненному наследнику Фердинанду. В своём духовном завещании Франциск запретил Фердинанду предпринимать что-либо не посоветовавшись с русским царём, верным союзником Австрии. Министр Иностранных Дел Клеменс фон Меттерних, однако, вскоре всецело овладел волей Фердинанда и сделал его своим послушным орудием.

Царь Николай I ответил Францу Иосифу, что он питает к нему отеческие чувства и всегда готов помочь ему и Австрии. Первоначально, к моменту разыгравшихся событий в Венгрии, национально-мыслящая и благоразумно настроенная часть мадьярской аристократии обратилась к русскому правительству с просьбой прислать одного из Великих Князей с целью короновать его венгерским монархом. К сожалению, из этого ничего не вышло. К. Нессельроде, руководивший русской внешней политикой, сумел разубедить Царя Николая I и позаботился представить указанное предложение в отрицательном свете.

Апреля 23-го 1849 года австрийские войска оставили столицу Венгрии. Венгерские повстанцы уже стали угрожать Вене. Юный Франц Иосиф спешно отправился в Варшаву для встречи с русским царём. Там, на торжественном приёме, Франц Иосиф, изогнув низко спину поцеловал руку

Николая I, прося помощи против венгерской революции. Прибывший с ним австрийский генерал не счёл унижением для себя опуститься перед прославленным русским военачальником, князем И. Ф. Паскевичем на колени, умоляя его тоже о заступничестве и спасении. Австрийская империя была спасена от окончательного распада и гибели Царём Николаем I.

Кампания длилась не больше двух месяцев. Русская армия, числом в 170.000, под начальством Паскевича быстро смела венгерскую революцию, несмотря на героизм повстанцев. Потери русских немного превысили три тысячи человек. Материальные расходы обошлись в 48 миллионов рублей плюс 6 миллионов, одолженных Россией Австрии.

Августа 13-го 1849 года 30-летний генерал Гёргеи, главнокомандующий венгерскими силами, сдался с остатками своей армии на милость русских. Кошут скрылся в Турции. Повстанческая венгерская армия насчитывалась к тому времени 30 тысяч человек.

«Венгрия уног Вашего Величества», доносил Паскевич Царю Николаю I. Царь обратился к Францу Иосифу с просьбой о помиловании не только Гёргея, но и всех военных. Николай Павлович умел согласовать долг службы с христианским милосердием. Царь писал австрийскому императору: «Возблагодарим Господа Бога, что не допустил долго быть кровопролитию и даёт нам возможность воспользоваться лучшим из прав - правом помилования и милосердия».

На это письмо австрийский император ответил, что будет придерживаться совета Царя. Однако несмотря на сие обещание австрийское правительство свирепо расправилось с венграми: 13 высших офицеров было казнено, а 386 заточено в казематы. В общем итоге, предано смерти 258 человек, а около двух тысяч томилось в тюрьмах. Имения и имущество венгерской аристократии, принимавшей участие в борьбе, были конфискованы австрийцами.

Только личное вмешательство, прибывшего с этой целью в Вену, будущего Царя Александра II спасло жизнь генералу Гёргею.

С самого начала кампании, между союзными войсками возникли трения. Австрийский генерал Гайану требовал, чтобы русские сражались под его командованием. Царь Николай I это требование отклонил, и русские части под командованием Паскевича, дрались самостоятельно. Австрийцы ревниво относились к успехам русских.

Наш отряд, опередив австрийцев, первым вошёл в столицу Венгрии - это было по их самолюбию. Великий Князь Константин Константинович, принимавший участие в венгерском походе, с возмущением отзывался об австрийцах, а к генералу Гёргею, недавнему врагу, питал симпатию. Паскевич, как и многие русские офицеры, тоже возмущался поведением неблагодарных австрийцев.

Когда Царь узнал, что несмотря на его просьбу, австрийцы свирепо расправились с венграми, он с возмущением заметил: «Это подлость и оскорбление, нанесённое нам». Франц Иосиф оправдывался и писал, что он был бы счастлив, если бы мог следовать своим

чувствам, но что благо и безопасность государства требуют обратного - крайней строгости.

Расправа шла полным ходом. Граф Батиани пострадал незаслуженным образом больше всех. Он не разделял мероприятия Кошута и стремился мирным путём решить австро-венгерский конфликт. Суд его оправдал, но Вена запротестовала: виновный или нет, его надо повесить. Жена графа, чтобы помочь ему избежать срама публичной казни, ухитрилась передать ему нож. Этим ножом он вскрыл себе половину горла, но это его не спасло. Он был расстрелян. Венский кабинет видимо придерживался мнения, что молчание казненных гарантирует спокойствие в будущем.

После подавления восстания Венгрия лишилась всех прав и превратилась в обыкновенную провинцию. Даже лояльные области, не примкнувшие к революционному движению, не избежали общей участи. Все обещания, данные им прежде, были забыты. Положение Хорватии, например, мало чем отличалось от Венгрии; повсюду был введён немецкий язык.

В «варварской» России за декабрьский бунт было казнено только пять человек и около ста тридцати сослано в Сибирь. Причём, жёны ссыльных, если того желали, могли следовать в ссылку за мужьями. А ведь этот бунт, по преступности своего замысла был во много раз серьёзнее, чем венгерское восстание, целью которого являлось отторжение от Австрии.

Жене Рылеева Государь передал две тысячи рублей и оказывал помощь другим нуждающимся семьям декабристов. А через год Николай Павлович облегчил положение виновных. Генералу Ленарскому Государь поручил: «Поезжай комендантом в Нерчинск и облегчай там участь несчастных. Я знаю, что ты сумеешь согласовать долг службы с христианским состраданием».

Генерал Ленарский вскоре заслужил любовь декабристов дав им делал исходило лично от него. Император строжайше запретил всякое преследование и дискриминацию по отношению к семьям декабристов, поясняя: «Сие запрещает закон гражданский и более претит закон христианский».

Лучшим опровержением мнимой жестокости и злопамятности Царя Николая I, и в то же самое время наградой для него, является эпизод, имевший место вскоре после его кончины. Князь Сергей Михайлович Волконский, внук декабриста Сергея Гигорьевича Волконского, писал следующее.

«В 1855 году умер Николай I. С трудом читатель поверит, но между тем это так: при известии о его кончине, Сергей Григорьевич плакал как ребёнок».

Разгром Венгрии русской интервенцией был по существу заключительным аккордом европейского беснования 1848-1849 годов, подготовленного масонами - Великим Востоком Франции. С этого момента, Царь Николай I стал ещё более ненавистен всем революционерам. Его стали называть «жандармом Европы».

Перу князя Бисмарка, принадлежат следующие строки о подавлении венгерского восстания: «В истории европейских государств едва ли найдётся ещё пример, чтобы

монарх великой державы оказал соседнему государству услугу, подобную той, которую оказал Австрии император Николай. Видя опасное положение в каком она находилась в 1849 году, он пошёл ей на помощь с 150-тысячным войском, усмирил Венгрию, восстановил в ней королевскую власть и отозвал своё войско, не потребовав за это от Австрии никаких уступок, никакого вознаграждения».

Австрия же, за благодеяние оказанное ей Россией в её трудный час отплатила ей вовремя Крымской кампании чёрной неблагодарностью. Она действительно «удивила мир своей неблагодарностью».

Апреля 20-го 1854 года между Австрией и Пруссией в Вене был заключён договор. Первым деянием наших «союзников», ради которых не раз проливалась русская кровь, было требование очистить Молдавию и Валахию. Княжества эти и были оставлены русскими и заняты австрийскими и турецкими войсками.

Декабря 2-го 1854 года Австрия заключила союз с Францией и Англией, почему русским пришлось в продолжение всей Крымской кампании, угрожавшей принять размеры Отечественной войны 1812 года, держать главные силы на западной границе. Австрия оказалась также в числе тех, кто заставил нас пойти на мировую, принять и подписать столь унижительные для России условия Парижского мира. Австрия даже грозила войной в случае отказа подписать Парижский мир.

Европейская коалиция, в особенности измена тех, кого Государь считал своими друзьями, глубоко возмутила императора. Он повернул лицом к стенке портрет «коварного австрийца» Франца Иосифа, и на обратной стороне написал: «Неблагодарный».

Кончина императора Николая Первого была образцом смерти христианина. Сознывая близость смерти, Государь однако отказывается от принятия Святых Тайн Христовых, поясняя, что не подбогает христианину в лежачем положении приступить к Святой Евхаристии, и только в последний момент, сделав нечеловеческое усилие, приподнялся и причастился.

Николай Павлович умер лёжа на походной кровати, покрывшись солдатской шинелью. Так закончил свой жизненный путь и подвиг служения России рыцарь чести и долга, безгранично любивший родину.

Государь проводил за работой по 18 часов в сутки, трудясь на благо и славу России до поздней ночи. Характерны его слова, сказанные в канун Крымской войны английскому посланнику: «Я, может быть, буду носить траур по русскому флоту, но никогда - по чести России».

Престарелый маршал Радецкий, узнав о безвременной кончине императора Николая Первого, горько рыдал: «Как печально, что мне суждено пережить и этого доброго монарха. Мне не понятна политика моего юного императора». Другой австрийский военный, генерал Гесс, открыто осуждал действия канцлера графа Булля, примкнувшего к коалиции, действовавшей против России.

Он иронически заметил: «Война с Россией - конец для Австрии, даже если у Австрии будет миллион штыков».

Граф А. Коновницын

ПО ПОВОДУ 70-ЛЕТИЯ «НАШЕЙ СТРАНЫ»

ИСТОРИЯ ГАЗЕТЫ – ИСТОРИЯ ЭМИГРАЦИИ

Осенью 1944 года издатель газет Солоневича Всеволод Константинович Левашов-Дубровский покинул Болгарию: местными коммунистами он был заочно приговорен к смертной казни. И пошли этапы: Австрия - сперва Вена, затем Зальцбург – лагерь Парш, ставший очень известным. Там, в Зальцбурге, в его судьбу вошла дочь императорского правоведа, молоденькая Таня Киреева, они поженились, и вся жизнь стала иной.

В лагере он занимался тем же – газетная работа отравляет людей навсегда... Хотя там была не газета, а лишь ее суррогат “Информационный Бюллетень”, но и он давал иллюзию «своего» дела.

Связь с Иваном Лукьяновичем Солоневичем Дубровский не терял, возобновление газеты было их общей неизменной целью.

Солоневич был в эти годы в Германии и делал постоянные попытки, как и Дубровский с Таней, попасть в США. Дубровскому удалось, у него уже была готовая виза, был оплачен проезд до Сан Франциско. Но накануне отъезда, узнав, что Солоневич получил визу в Аргентину, Дубровские жертвенно изменили своё решение и каким-то чудом тоже получили визу в страну танго, где “женщины как на картине” (песня Александра Вертинского). Они имели назначение на транспорт в Соединенные Штаты на 7-го октября и - отказавшись от него - 1-го октября уехали в Аргентину.

Здесь им было очень трудно. При совершенно каторжной работе, они ещё четыре года спустя не имели возможности нанять отдельную квартиру и ютились в комнатке в три на три с половиной метра, которую снимали в семье белого генерал-майора Василия Фёдоровича Баумгартен, известного в Царской России и Югославии архитектора и военного инженера, эмигрировавшего в Буэнос Айрес из Белграда (1879-1962).

В Аргентине могла существовать газета - в Соединенных Штатах это было бы невозможно при тамошних ценах на типографские работы и прочее. Хотя в Америке Дубровские могли бы, вероятно, жить гораздо более «культурно» в бытовом отношении.

Первые месяцы, когда газета ещё была двухнедельной и Иван Лукьянович находился в Аргентине, было не так тяжело. С августа же 1950 года, с тех пор как Солоневич был вынужден переселиться в Уругвай и вся работа оказалась на Дубровском, - стало, конечно, намного труднее. В особенности с тех пор как Всеволод Константинович осуществил свою мечту - перевёл газету на еженедельное издание и постепенно стал издавать книги.

Он прекрасно понимал, что взвалил на себя работу непосильную для одного человека, непосильную даже при том условии, что его жена Таня делала больше чем могла, разделяя с ним всю тяжесть нагрузки. И все-таки, даже вдвоём ведя такое дело, было невероятно трудно. Отсюда и получалось, что приходилось отказываться не только от всякой личной жизни, но лишать себя даже нормального отдыха, каникул. Во-первых, нельзя было делать перерыва в издании газеты, а во-вторых, если урвать пять-шесть дней, перерыва не делая, то за эти дни

накопится такая масса работы, что отдых будет аннулирован сразу же.

Такая жертвенность возможна только когда делаешь дело, которое тебе близко, которое любишь, которым столько лет живёшь. Самое главное в том, что Таня полюбила эту работу, и так же как её муж с радостью отдавала ей все своё время и все свои силы, отказываясь от почти всех удовольствий, от многого такого от чего 28-летней (в 1952 году) молодой женщине не так легко и просто отказаться. И в этом, конечно было счастье Всеволода Константиновича.

Тем временем, из Уругвая, Солоневич по прежнему жаловался на своё здоровье, и это его постоянно болезненное состояние сильно отражалось как на его работоспособности, так и на качестве его работы. Начинает он лечение против язвы - через некоторое время оказывается, что никакой язвы у него нет. Снова догадки и поиски другого врача. Надо отдать справедливость его второй жене Рутке - она заботилась о нём как только могла. Но одних забот было мало: нужно было какое-то лечение, а какое - никто не знал.

Сын Солоневича художник Юра, с женой Ингой и двумя ребятами, в конце декабря 1952 года уехали в Нью Йорк. По дороге два три дня провели с Иваном Лукьяновичем в Уругвае. В Аргентине, в течение последних двух лет, Юра кое-как приспособился к местным условиям и местным требованиям. Забросил искусство и занялся ремеслом: рисовал картинку в десятках и сотнях копий и это давало им возможность существовать.

Солоневич очень настаивал, что газета должна делать ставку в основном на новую послевоенную эмиграцию. Однако этот расчёт был мало оправдан.

Нельзя забывать, что в 1936 году никакой «новой» эмиграции не было, а софийская газета Солоневича «Голос России» имела 12 тысяч, и временами даже 15 тысяч тиража - кто её читал? Ясно, старая эмиграция. Книжки Ивана Лукьяновича тогда расходились молниеносно, как и книжки его брата Бориса, первой жены Тамары Владимировны, и книга сына Юры - их покупала опять-таки старая эмиграция.

Вот и в 1952 году, например, среди представителей “Нашей Страны” не было ни одного нового эмигранта, следовательно костяк аппарата дальше составляли представители старой эмиграции. Да и главная масса читателей газеты также фактически принадлежала к первой волне эмиграции.

Причём первая эмиграция всегда верила, что в России сохранился русский народ, не превратившийся в каких-то “морлоков”, (гуманоидные подземные существа-каннибалы, встречающиеся в различных произведениях фантастического жанра), а ищущий и идущий вперёд.

Если бы верили в морлоков, - не было бы знаменитого «Треста». Верили и генерал Кутепов и многие другие, что «там» живые люди, русские люди, а не питекантропы.

В своём романе «За чертополохом» Пётр Николаевич Краснов рисует никак не Питекантропию и вовсе не говорит, что люди там одичали. В своей книге белый вождь нарисовал очень фантастическую

Россию будущего, но возникшую и развившуюся до невероятных пределах во всех областях вне влияния Запада, совершенно самобытно, и питаюсь соками русского народа - гениального и великого. Весь уклад жизни этой воображаемой России за чертополохом был строго по старо-московскому образцу, допетровского периода, начиная от одежды и терминов, и до самодержавного Царя, правившего совместно с патриархом. В общем нечто вроде возврата ко временам Государя Алексея Михайловича на фоне колоссального прогресса во всех областях.

В своём подавляющем большинстве старая эмиграция состояла из людей, которые в 1917 году смело поднялись на борьбу против большевизма, будучи совсем юными, и сумели в течение десятков лет в изгнании сохранить и свою непримиримость к большевизму и стремление к борьбе с ним - за Россию. И сумели передать сию эстафету своим детям.

Тот же Русский Корпус на Балканах доказал, что было идеалом русской эмиграции. Люди бросили всё и взяли винтовку только потому, что им показали возможность борьбы за родину. Не так просто было бросить и налаженную жизнь, и семью, и в 40-50 лет становиться в строй “нижним чином”, невзирая на свои когда-то полковничьи и даже генеральские чины...

Например, мой дед по материнской линии, отец трёх детей, поручик Николай Михайлович Флоренский, Георгиевский кавалер и участник Белого Движения в рядах армии Бермондт-Авалова, служил в Русском Корпусе в чине ефрейтора и пал смертью храбрых в 50-летнем возрасте, у Чачек, 20 октября 1944 года.

Всегда рубивший с плеча, да ещё теперь раздраженный высылкой в Уругвай и своей болезнью, Иван Солоневич часто перебарщивал в своих статьях, причём приносил вред самому себе и газете, так как его порою несправедливые филиппики могли отталкивать своих же людей.

Стараясь предотвращать такой урон, Дубровский употреблял “красный карандаш”; не допускал в печать наиболее невыгодные статьи или пассажи. Иногда Иван Лукьянович соглашался с его решениями, но большей частью досадовал. Так, 19.10.1951 он писал Всеволоду Константиновичу: “Ты правильно сделал, что не пустил статью о демократии, я её послал на крайний случай. О белорусах ещё подумаю. Ты тоже прав, что статья о Съезде могла получиться лучше: но и то, что я хоть это смог написать - тоже вроде фокуса. Теперь у Тебя есть кажется достаточно моих материалов. И кажется, уже лучшего качества. Однако в нашем старинном споре я с Тобой не согласен: если бы предоставить газету в полное распоряжение Твоей осторожности, то она в течение полугодя погибла бы от засухи. Моя линия, как оказалось, вызывает риск газетой. Твоя линия с абсолютной неизбежностью гарантирует её медленное умирание. Ты слишком осторожен. Если нельзя писать: о РОВСе, демократиях, социалистах - Чоловский (анархо-меньшевик, редактор буэносайресского журнала “Сеятель. НК) ведь тоже бежал

доносить на меня, солидаристах, - дворянах, Чухнове - то это означает, что нельзя толком писать ни о чём стоящем. И тогда «Наша Страна» превращается в «Новое Слово» (газета издаваемая и редактируемая в Аргентине в 50-х годах священником Дмитрием Константиновым. НК). Нужно рисковать и дальше - обсудив этот риск и принимая во внимание опыт и ту информацию об этом опыте, которую Ты вероятно уже имеешь. Если дела стоят плохо, то я начну выпускать ротаторное «приложение». Ротатор в Монтевидео есть, на нём печатаются церковные бюллетени, и есть люди, которые эту технику на себя возьмут. Так что соглашаясь с Тобой в деталях, - хотя бы по поводу статьи о демократии, - я категорически не согласен с Тобой в целом. Газета всегда держалась яркостью и смелостью. Если она попадёт в благонамеренный разряд - её читать не будут. Кроме того, получается впечатление, что «им» все-таки удалось зажать мне рот, - это губит весь «престиж»: напугали, наконец”.

Как мы знаем, в этой полемике оказался прав Дубровский: газета никак не “погибла от засухи”.

После кончины Солоневича в апреле 1953 года, у Всеволода Константиновича, как редактора и издателя, отпала необходимость такого рачения, зато возникли осложнения иного рода.

Так, к примеру, переехавший в Соединенные Штаты сын Солоневича Юра, чье сотрудничество в «Нашей Стране» Дубровский считал желательным и даже необходимым, всё время ставил ему требования, являвшимися на самом деле ультиматумами: «а иначе, я уйду из дела». Дубровский же просил его бросить ненужные споры, поскольку идеологических расхождений у них не было, и признать единственной меркой пользу дела: «Вместо потери времени на переписку такого сорта, будем думать не о своём самолюбии и не о пикировке, а о деле», взывал Всеволод Константинович к автору «Повести о 22-х несчастьях», в письме от 30 августа 1953 года. Но безрезультатно; Юрий Иванович всё-таки отошёл от газеты.

Леонид Николаевич Кутуков, сотрудничавший под псевдонимом «Николай Кремнев» рассказывал даже, что Юра и представитель «Нашей Страны» в Нью Йорке П. Лиходей предлагали ему участвовать в отстранении Дубровского и «захвате» газеты.

Причём из-за этой размолвки творческое наследие писателя оказалось в тупиковой ситуации. Перед своим отъездом в августе 1953 года из Уругвая в Соединенные Штаты, вдова Солоневича Рутка решила разделить его архив на две части. Часть получил Дубровский, часть Юра. Что именно находилось в предназначенной для Юры части, Дубровский не знал. В той, которую он получил, не было ничего существенного. И он никак не мог понять: Где же продолжение «Народной монархии»? Где продолжение «Диктатуры импотентов»?

Кстати, никакую из своих книг словами «Диктатура сволочи» Солоневич никогда не озаглавлял. Это советская отсебятина. Или,

точнее, отсебятина постсоветская.

Нависали над Всеволодом Константиновичем и другого рода тучи.

Представитель газеты на Бразилию, друг детства Солоневича, Лев Степанович Рубанов писал Дубровскому 25.10.1953: «К сожалению, круг подписчиков не растёт, а пожалуй уменьшается. В августе было 99 подписчиков, раньше доходило и до 103-х. А сейчас как-то незаметно упало до 93-х человек. Отсеиваются те, кто читал газету из-за Ваниных статей, из-за «Стёпки» (роман «Две Силы», который Солоневич помещал в газете под псевдонимом Глеб Томилин. НК)».

В некоторой степени вредило также «Нашей Стране» и то обстоятельство, что начала выходить русская газета «Вестник Бразилии». Эту газету издавал некто Василий Ефимович де Канель, проживавший ранее в Шанхае, переехавший в США, где он сразу же устроился в Толстовском Комитете и затем приехал в Бразилию его представителем. К тому же, как писал Рубанов, «в ближайшее время выйдет ещё «Русская Газета» Николая Трофимовича Дахова, который её издавал с 1930 по 1939. Эта вторая будет стоить вдвое дешевле первой, так как Дахов будет доплачивать на издание каждого номера. Дахов является здесь представителем журнала «Набат» и РОНДДа Арцюка-Державина, а прежде был тут представителем Анастасия Вонсяцкого и главой фашистской партии. Он корниловец, раненный, очень порядочный и честный человек, но к сожалению не публицист и ему нужны будут помощники. В прошлое время он продавал участки и обращал деньги на субсидирование своей газеты. Теперь собирается делать то же самое».

Новости эти, разумеется, произвели на Дубровского удручающее впечатление. 1-го января 1954-го он отвечал Рубанову: «Это падение тиража меня очень огорчает, но... что можно сделать? Не так давно, при жизни Вани, сплошь и рядом бывали случаи отказа от газеты из-за Ваниных статей, из-за их резкости. Теперь люди от-казываются от газеты потому что ваниных статей нет. или потому что в ней нет «Двух Сил». Наивно думать, что кто-то другой даст то, что давал Ваня. Если Юра и напишет продолжение «Двух Сил», то неизвестно ещё что будет в нём от Вани - кроме заглавия. (Много лет спустя роман «Две Силы» дописал брат основателя «Нашей Страны» Борис Лукьянович, и он вышел в 1968 году, в двух томах, в ньюйоркском издательстве журнала «Свободное Слово Карпатской Руси». НК) Коли у Вани были бы какие-нибудь наброски или черновики, а то - нет ничего. Не знаю, замечаете ли Вы «перст Кремля» хотя бы в том, что при жизни Вани муслировалось мнению, что «Нашу Страну» нельзя читать: «Солоневич всех кроет

и больше ничего». А после его смерти, та же песня звучит по иному: «Что же читать в «Нашей Стране», если нет Солоневича!» Как жаль, что люди так торопятся «решать» и выносить свой приговор. Недавно меня обвиняли: а) что я продался солидаристам, б) что я продался реакционной части старой эмиграции. Теперь, новое - что я «продался» Мержеевскому (редактору бразильского журнала «Владимирский Вестник». НК) и барону Нольде («Авдею Староверцеву»). Как хорошо было бы если люди имели бы больше выдержки и больше доверия».

Увы, отсутствие, мягко выражаясь, «выдержки и доверия» в среде русской политической эмиграции оставалось нормой и в последующие годы. Первопроходник А.Г.Макриди-Стенрос писал мне из Австралии в Аргентину 24.11.1967: «Некоторые эмигрантские издания отличаются непроходимой глупостью, тупостью, бестактностью и слепым эгоизмом, среди них много злобных склочников. «Соратнички», как называл эту публику Солоневич, отпугивают молодёжь. И злость, и нетерпимость и склочничество возрастают прямо пропорционально их возрасту. Орлов «Российская Независимость», Лавров («Перекличка»), Делианич («Русская Жизнь»), да и пожалуй Чухнов («Знамя России»). Был ещё и Арцюк-«Державин». А теперь появилась новая звезда в Австралии. Это Коринфский, издающий в Мельбурне «Русскую Правду». Сначала он уверял всех, что он не монархист, но нашедши себе под пару такого же негодяя-монархиста, стал монархистом со знаком минуса. И свою грязную бумагу именуется монархической газетой. Грязь, которую сей патриот расплёскивает по всей Австралии, и грозитя доплеснуть до Европы и Америки, кипит под пером самоотверженного редактора, пылающего патриотической преданностью Владимиру Кирилловичу (в то время - глава Императорского Дома. НК). И Владимир Кириллович уже проявил к этому фрукту благоволение. Равно как проявляет к напарнику Коринфского - Стафиевскому, которого наградил «Вензелем». Вы не представляете себе, как упали акции Владимира Кирилловича в Австралии из-за этих двух прохвостов! Да ещё каких! Я без преувеличения утверждаю, что коммунисты не сумели бы так повредить Владимиру Кирилловичу как здешние его ревнителю. Кстати, они пытаются травить «Нашу Страну» только за то, что в ней сотрудничают Ростов-Гротов и Войцеховский. И по этой же причине - пытаются дискредитировать Народно-Монархическое Движение».

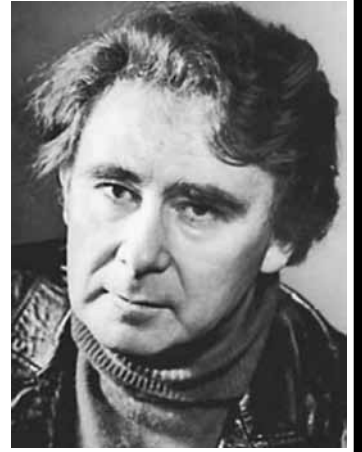
А несколько позже, 25.6. 1968, бывший редактор рижской газеты «За Родину» констатировал: «Пять калифорнийских первоходников снова раскололись на шесть группировок. Что это за наваждение у нас русских! И чем старше, тем больше дробятся».

Только ли у русских, или это явление характерно для любого этноса в ненормальных условиях изгнания?

Николай Казанцев

Вот мы Романовых убили.
Вот мы крестьян свели с полей.
Как лошадь загнанная, в мыле,
хрипит Россия наших дней.

«За что-о?! – несётся крик
неистов. –
За что нам выпал жребий сей?»
За то, что в грязь, к ногам
марксистов
упал Царевич Алексей.

**Глеб Горбовский
1931-2019**

СЛАВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Увы! Кровавая драма, разыгравшаяся на Балканском полуострове почти полтора века назад, сегодня стала забываться. Последняя победная война Исторической России стала вспоминаться только по её юбилейным датам. Поход до Константинополя за триста дней - пример первый во всей нашей военной истории, со времен Олега, ходившего под Царьград на утлых ладьях. Но то был полу мифический период нашей истории. Здесь же речь идет о подлинных событиях, которые уже никогда не повторятся.

В Доме Культуры села Кигбаево (Удмуртия) состоялась уникальная встреча потомков участников Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. из различных мест Прикамья. Место встречи было выбрано не случайно. Здесь проживал и перешёл рубеж земного бытия георгиевский кавалер, унтер-офицер Лейб-Гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии батальона Александр Бронников. Участник семи сражений в Болгарии, он 12-го октября 1877 г., в бою при Горном Дубняке получил знак отличия за то, что «командуя взводом, с полным спокойствием руководил стрельбой, а при атаке шел впереди своего взвода и ободрял его». Посетив его дом, все мы будто вернулись в прошлое и в живую увидели его домочадцев.

На мероприятии также присутствовали местные жители, старшеклассники и просто неравнодушные люди. После вступительного слова - хроники событий, выступление продолжили потомки героев. Так А. Я. Липин из Ижевска подробно описал слушателям в царствование Императора Александра II и рассказал о его роли на театре той войны. «Защита культурного, духовно-нравственного наследия нашей родины, исторических традиций - сказал он, - и есть основа для сохранения и развития гражданского общества сегодня».

Присутствующие могли здесь же ознакомиться с незаурядной выставкой. Необычность её буквально «цепляла» любого, не давая пройти мимо... Предметный ряд был представлен оружием того времени, солдатскими походными ранцами, предметами быта, фотографиями, чудом сохранившихся наград предков.

Сегодня новое, современное поколение удивляется и недоумевает тому порыву, который, охватывал их предков, вызвал кровопролитную войну. Это были простые русские люди, которые ценой своей жизни дрались не «за проливы в Чёрном море», а спасали честь России. Сотнями они гибли на Дунае, тысячами на перевалах Шипки и под Плевной, уверенные, что смертью своей они исполняют свой долг перед родиной. Против них был коварный и хитрый противник с мудрыми полководцами. Против них была сама природа. Однако, как пелось в песне: Разнесли мы басурманов, Расщелкали всю орду... Это всё, ребята, было, В семьдесят седьмом году!

С. Простнев

ЦЕНЫ ПОДПИСКИ НА 2019 ГОД:

В Аргентине - 700 песо
В Европе - 60 евро.
В Австралии - 85 американских
долларов.
В Канаде - 80 американских
долларов.
В США и остальных странах - 75
долларов.

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 И. Л. Солоневичем. Издательница: Lidia de Candia. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для чехов: Nicolas Kasanzew, 9225 NE 12 Ave Miami Shores, FL, 33138, USA Адрес для писем: N. Kasanzew, Av. Cabildo 2349, C. C. 10, Buenos Aires 1428, Argentina. Цена годовой подписки: В Аргентине - 700 песо

В Европе - 60 евро. В Австралии - 85 американских долларов. В Канаде - 80 американских долларов. В США и остальных странах - 75 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Банковские передачи: Nicolas Kasanzew, 898079164299 Bank of America, 1108 Kane Concourse, Bay Harbor Islands, FL, 33154-2068, USA Routing: 063100277 Swift: BOFAUS3N: Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты.

NUUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представитель во Франции - E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: www.nashastrana.net